

Этническая конфликтология: проблемы становления

1. Три этапа развития этнической конфликтологии

Этноконфликтология, являясь одним из самых молодых «отраслевых» ответвлений мировой конфликтологии, играет весьма заметную роль в становлении и развитии в отечественной конфликтологии, современной обществоведческой науки и социогуманитарной культуры в целом. Не будет преувеличением сказать, что отечественная конфликтология зарождалась прежде всего как этноконфликтология: во многом именно в рамках резко актуализировавшейся в конце 1980-х - начале 1990-х годов этноконфликтологической проблематики шла наработка принципиальных отечественных конфликтологических концепций. И на этой основе в 1990-е годы начали «отпочковываться» другие «отраслевые конфликтологии», вызванные к жизни другими важными событиями в нашей стране, прежде всего в среде политики, трудовых и рыночных конфликтов.

Различные авторы по-разному определяют тот период, когда этническая конфликтология сформировалась как самостоятельная отрасль конфликтологической науки, как, зачастую, по-разному определяется и точка отсчета для возникновения конфликтологии вообще. То, что сегодня называется этническим конфликтом, было в той или иной степени предметом анализа с глубокой древности: ведь конфликты между группами людей, отличающихся по этническим признакам, сопутствуют всей человеческой истории и являются одними из ее наиболее заметных событий.

Тем не менее, формирование этнической конфликтологии необходимо рассматривать в контексте становления как конфликтологии вообще в качестве комплексной отрасли обществоведческого знания, так и конфликтологического подхода к анализу общественных процессов в качестве специфической исследовательской парадигмы. Этот процесс можно отнести лишь ко второй половине XX века, причем этнические конфликты были отнюдь не приоритетным объектом исследования на начальном этапе становления конфликтологического знания, хотя первые работы, в которых предпринимается попытка теоретического анализа этнических конфликтов, появляются

в зарубежном обществоведении начиная с 1950-х годов, т.е. в то же самое время, как и работы по общей, а также трудовой конфликтологии. Приоритет в разработке нового научного направления принадлежит англо-американской науке, в основном американским исследователям. Тем не менее, это вряд ли можно считать состоявшимся началом этнической конфликтологии: этнические конфликты трактуются в ранних работах чаще всего как вторичное, производное от других мезо- и макросоциальных конфликтов, прежде всего экономических. Один из классиков мировой этноконфликтологии, американский ученый Дональд Хоровиц, чья объемистая книга «Конфликт этнических групп» [1] выдержала несколько изданий и стала настольной книгой для многих этноконфликтологов во всем мире за два последних десятилетия, отмечает, что ни государственные деятели, ни обществоведы не оказались готовы к возрастающей значимости этничности. После второй мировой войны, подчеркивает ученый, сложилось представление о том, что по крайней мере индустриально развитые страны «переросли» политические процессы, основанные на этничности. «Вплоть до недавнего времени, – писал Д. Хоровиц, – область этнических отношений была тихой заводью в обществоведении, и первым ответом на возрастающую волну этнических конфликтов была трактовка последних как эпифеноменов» [2]. Особенно примечательным для конца 1950-х – начала 1960-х гг. было представление о том, что этнические конфликты (и шире – этнические проблемы) отойдут на задний план по мере того, как страны «третьего мира» будут вовлекаться в модернизационный процесс. Что же касается западного общества, то этнические конфликты, случавшиеся и в этих странах, вообще рассматривались как нехарактерные для этой части мира явления, скорее как издержки, отголоски колонизаторского прошлого.

Превращение этнического конфликта (а в англо-американских работах – иногда этнорасового конфликта) в самостоятельный предмет научного анализа происходит в 1960 - 1970-е годы. Публикуются исследования М. Бэнтон, К. Дойча, Г. Кона, Д. Кэмпбелла, Р. ЛеВайна, Р. Сегала, Г. Сетон-Уотсона, П. Шибутани, С. Энлоу и других авторов. В этих работах этнический конфликт становится если не еще самостоятельным объектом изучения, то, по крайней мере, занимает одно из главных мест. Кроме того, проблему конфликтов затрагивают многие ученые, изучающие межэтнические отношения в целом. Но особенно обильны в этот период были публикации с описанием и анализом конкретных этнических конфликтов по всему миру. Шестидесятые и семи-десятые годы можно рассматривать как этап накопления и первичного анализа эмпирического материала. Это свидетельствует о том, что научная отрасль переживает эпоху своей юности. Разумеется, и в работах этого периода делались определенные теоретические обобщения, но становление теоретической этно-конфликтологии относится к 1980-м годам.

В восьмидесятые годы в западной обществоведческой науке предпринимаются попытки выйти на теоретико-методологический уровень анализа проблемы, хотя такого рода поиски в целом не характерны для западного, особенно англо-американского

обществознания. Издаются несколько теоретических работ английского исследователя Э. Смита, уже имевшего к этому времени известность в научных кругах благодаря более ранним публикациям по проблемам этнорасовых отношений [3]. Хотя нельзя сказать, что эти исследования полностью посвящены изучению этнорасовых конфликтов, так как имеют более широкий контекст, однако именно этот широкий контекст рассмотрения проблем неизбежно приводит автора к теоретико-методологическому анализу феномена этнической конфликтологии. Большую известность, приобретают теоретическая работа Э. Геллнера «Нации и национализм», опубликованная в 1991 г. и на русском языке [4], и исследование П. Ван ден Берг «Феномен этничности» [5]. Именно в этот период публикуется и упоминавшаяся выше работа Д. Хоровица «Конфликт этнических групп». Теоретико-методологические аспекты анализа этнических конфликтов затрагиваются в работах многих других зарубежных авторов (Дж. Ваучеру Х. Блэлок-младший, Ф. Гросс, Н. Гонзалес, Дж. Кип, У. Коннор, Э. Кофман, Д. МакКерди, С. МакКоммон, М. Левин, Р. Премдас, С. Райан, С. Самарасингхе, С. Уильямс, М. Чисхолм, Р. Шервуд, Г. и Э. Элмеры, М. Эсман и др.). Итак, 1980-е гг. можно обозначить как теоретико-методологический этап развития мировой этноконфликтологии.

Со второй половины восьмидесятых и особенно в девяностые годы ведущим предметом исследования зарубежной этноконфликтологии стала проблема выхода из социальных конфликтов, их урегулирования и разрешения. В большинстве работ выход из этнического конфликта исследуется как частный случай исхода социальных конфликтов. При этом проблема завершения именно этнического конфликта изучена значительно меньше, чем других социальных конфликтов. К такого рода работ следует в первую очередь отнести труды Е. Азара, Дж. Александера, Ф. Дьюкса, Дж. Коукли, Б. О'Лиари, Р. МакГарри, М. Раби, Л. Рангараджана, Дж. Ричардсона, М. Росса, Дж. Ротмана, Дж. Рубина, К. Руперсингхе, Т. Саати, К. Де Сильвы, Дж. Толанда и др. Таким образом, современные зарубежные работы по этноконфликтологии имеют прежде всего прикладной характер, и этап развития этноконфликтологии в 1990-е годы можно обозначить как прикладной, или технологический.

Итогом нескольких десятилетий эмпирического и теоретического поиска стало формирование ряда этноконфликтологических школ. В различных работах эти школы определяются по-разному. В наших работах мы предложили выделить следующие школы, точнее, традиции в этноконфликтологии:

1. «реалистическая» традиция в этноконфликтологии, восходящая к аналогичной традиции общей конфликтологии (Л. Коузер, К. Боулдинг и др.), многочисленные сторонники которой утверждают, что в основе этнических конфликтов, как и других социальных конфликтов, лежит борьба за овладение материальными ресурсами, за

власть ради достижения экономических целей и что за национально-этнической формой социальной борьбы необходимо искать подлинные материальные мотивации.

Популярность этой школы в зарубежной этноконфликтологии пришла на 1970-е - первую половину 1980-х гг., но она имеет немало сторонников и поныне;

2. «эволюционистская» традиция в этноконфликтологии, сторонники которой считают, что причины этнических конфликтов коренятся в постоянно меняющейся этнической стратификации общества. К этой традиции можно отнести многочисленных сторонников статусных концепций этнического конфликта;

3. социально-психологическая традиция в этноконфликтологии, имеющая немало спецификаций и в основе которой лежит преимущественно методология фрейдизма;

4. антропологическая традиция в этноконфликтологии, в рамках которой можно выделить два основных течения – культурно-антропологическое и социобиологическое. Сторонники первого исходят из того, что глубинные источники конфликтов коренятся в культурных особенностях народов, в их ценностных системах; сторонниками социобиологического течения многие компоненты поведения людей в этнических конфликтах рассматриваются как нормативные, детерминированные природой человека [6].

Как это обычно бывает в подобных случаях, каждая из этих школ внесла и продолжает вносить новое знание в научный поиск, и в основе каждого из течений лежат определенные эмпирические обобщения, делающие теоретические выводы авторов более аргументированными. В то же время изучение работ представителей разных школ и течений свидетельствует об определенной редукционистской методологии, используемой многими авторами, т. е. о стремлении к сведению многообразных причин и факторов, детерминирующих этнические конфликты, к какому-либо одному, безусловно реально существующему и, возможно, очень важному, но все же вряд ли единственному основанию.

Представляется, что этническая конфликтология (как и конфликтология в целом) может и должна развиваться не как совокупность школ и течений, не как просто междисциплинарная (или, как иногда говорят, «адисциплинарная») отрасль знания, но и как интегрирующая, объединяющая различные мировоззренческие и теоретико-методологические подходы в единое целое.

2. Отечественная этноконфликтология: проблемы роста

Отечественная конфликтология стала развиваться в нашей стране с конца 1980-х - начала 1990-х гг. При этом, в отличие от зарубежной конфликтологии, именно отечественная этноконфликтология сразу же заняла в нашей стране лидирующие позиции в структуре становящейся конфликтологической науки, и лишь позднее стали формироваться другие отрасли конфликтологии – политическая, юридическая, трудовая, рыночная и т. д.

Отличительной чертой становящейся отечественной этнической конфлик-тологии можно считать то значительное внимание, которое уделялось и уделяет-ся в работах отечественных этноконфликтологов теоретико-методологическим аспектам анализа этнических конфликтов. Среди них можно обозначить сле-дующие.

1. Проблема сущности этноса как социальной системы. Эта проблема в 1990-е гг. неожиданно оказалась центральной и в зарубежной этноконфлик-тологии, о чем речь пойдет ниже.
2. Понимание сущности нации, ее природы, проблем национальной идентификации. Для отечественной этноконфликтологии эта проблема ока-залась одной из ключевых, и не случайно на фоне обсуждения проблем этниче-ских конфликтов в постсоветской России с новой силой разгорелась дискуссия о сущности нации, тон которой задали две известные статьи лидера т. н. «но-вой этнологической школы» В. А. Тишкова в журнале «Вопросы философии» [7] и других изданиях. Значимость этой проблемы для понимания природы эт-нических конфликтов в России, странах СНГ, постсоциалистических странах Европы определяется прежде всего тем, что нациестроительство в этой части Евразии было осуществлено на основе так называемой германской, или эт-нической, концепции нации, в отличие от многих стран Западной Европы, Северной Америки, где нациестроительство прошло на основе этатистского или англо-романского понимания нации.
3. Вопрос о методологических подходах к анализу этнических конфликтов. Возможна ли общая теоретическая модель анализа этнических конфликтов или каждый такой конфликт уникален, и для него характерен только ему присущий набор компонентов, их

специфическое сочетание, а потому и изучать каждый конфликт необходимо в отдельности, а не стремиться создать общую теорию этнического конфликта?

Необходимо отметить, что этноконфликтология (как и другие отрасли обществоведческого и – шире – научного знания) стала полем борьбы традиционного для отечественной науки системного подхода к анализу изучаемых процессов и явлений и постмодернистской методологии, делающей упор на изучении отдельных явлений, подчеркивающей уникальность и внесистемность каждого из явлений или событий.

Отечественная этническая конфликтология сложилась из нескольких интеллектуальных потоков, существовавших к концу 1980-х гг.

Во-первых, это группа историков и этнографов, в той или иной степени изучавших этнические конфликты в зарубежных странах и накопившая немалый объем эмпирических знаний об этнических, этнорасовых и этноконфессиональных конфликтах в разных странах мира. Речь идет о работах Ю. П. Аверкиева, Ю. В. Бромлея, Е. А. Веселкина, Л. М. Дробижевой, И. И. Жигалова, В. И. Козлова, С. Я. Козлова, А. П. Королевой, М. Э. Крамаровой, Е. М. Логиновой, С. В. Михайлова, Ю. С. Оганисяна, М. И. Семиряги, В. А. Тишкова, С. А. Токарева, Н. Н. Чебоксарова и др.

Во-вторых, это достаточно многочисленный контингент специалистов в области национальных отношений советского периода, которые обратились к изучению этнических конфликтов в силу резкого нарастания этнической напряженности и актуализации многих ранее латентных этнических конфликтов в нашей стране. В этой связи необходимо в первую очередь назвать имена А. Г. Агаева, Ю. В. Арутюняна, Э. А. Баграмова, Т. Ю. Бурмистровой, М. Н. Губогло, Ю. Д. Дешериева, В. Ф. Губина, М. С. Джунусова, М. В. Иордана, М. И. Исаева, К. Х. Ханазарова и других. Многие советские ученые в пределах имевшейся тогда «идеологической ниши» пытались выявить и проанализировать противоречия в национально-этнической жизни Советского Союза, вырабатывали предложения по улучшению климата межнациональных отношений в стране, выступали с критикой национализма и расизма, хорошо знали зарубежные исследования в области этнической и этнорасовой конфликтологии. Работы этой группы ученых были сильно идеологизированными (за некоторым исключением работ психологов), за что они подвергались и подвергаются критике со стороны новой постмодернистской волны этнологов, однако было бы неправильным отрицать в них наличие позитивного содержания и определенного прироста знания. Именно через эти работы происходило знакомство советской научной общественности с зарубежными этнологическими и этноконфликтологическими концепциями,

социолого-политологическими взглядами западных обществоведов в области этнорасовых и национально-этнических отношений. В этих работах последнего десятилетия содержится немало ценного, они, как правило, более осторожны в своих оценках советского опыта управления этнонациональными процессами и не рассматривают его как однозначно негативный, что также принципиально важно при выработке мер по стабилизации этнонациональной ситуации в нашей стране.

В-третьих, это психологическая ветвь отечественного обществоведения. Представители психологического научного сообщества обладали несколько большей свободой научного творчества. Некоторые из психологов, которые изучали психологию макросоциальных отношений, включали в объект своих исследований психологию национальных отношений, и если еще не имели возможности изучать психологию реальных этнических конфликтов в нашей стране, то, по крайней мере, выявляли и описывали противоречивые механизмы психологии межгрупповых, в том числе межэтнических, отношений. Кроме этого, критика зарубежных этнопсихологических концепций, составляющих значительную долю западных исследований в области национально-этнических отношений, не имела в изданиях советских психологов столь идеологизированного характера. В этом аспекте следует прежде всего назвать работы В. С. Агеева, Г. М. Андреевой, И. С. Кона, С. К. Рощина, Г. У. Солдатовой, В. А. Соснина, П. Н. Шихирева, А. К. Уледова и др. В постсоветский период многие из представителей психологического знания в этнологии внесли ценный вклад в развитие этнической конфликтологии, в исследование динамики этнических конфликтов, выработку мер по снижению этноконфликтной напряженности и постконфликтной реабилитации.

В-четвертых, это сформировавшееся со второй половины 1980-х гг. и в 1990-е гг. достаточно мощное социолого-политологическое направление в отечественном обществознании. Многие из тех, кого можно отнести к этой научной традиции (А. А. Гусейнов, А. В. Дмитриев, А. И. Дороченков, Ю. Г. Запрудский, А. Г. Здравомыслов, В. Н. Иванов, Б. И. Краснов, В. И. Кудрявцев, Л. И. Никовская, Э. А. Наин, Е. И. Степанов, С. А. Эфиров), отводили если не главное, то значительное место в своих работах изучению этнических конфликтов.

В-пятых, это большая группа ученых в различных регионах Российской Федерации, прежде всего в регионах повышенной этнической конфликтности. В таких регионах сформировались школы и направления, функционируют лаборатории и центры, издается немало научной литературы. Специфика региональных этноконфликтологических школ заключается прежде всего в более тесной интеграции ученых различных направлений и достаточно устойчивой связи с региональными управленческими структурами. К сожалению работы этой группы отечественных этноконфликтологов, как правило, известны в основном лишь в своем регионе, но их

влияние на научный процесс в конкретном регионе зачастую не ниже, а выше, чем известных столичных авторов. В целом же, необходимо отметить выраженный «москвациентризм» в развитии этноконфликтологического знания: специалисты из регионов нередко рассматриваются в московских научных центрах скорее как поставщики эмпирической информации, нежели как равноправные партнеры по научному поиску.

Поскольку я сам принадлежу к региональному научному сообществу, могу отметить следующее. Что касается эмпирического материала, московские ученые владеют им не хуже, а нередко лучше, чем региональные исследователи. Объясняется это двумя причинами. Во-первых, большинство региональных исследователей являются преподавателями вузов, и основную долю их рабочего времени поглощает учебная работа, объем которой год от года возрастает. Во-вторых, региональные исследователи в большинстве случаев хорошо знают материал именно по тому субъекту Российской Федерации, в котором живут, взаимодействуют с органами государственной власти только одного субъекта РФ и гораздо меньше знают о процессах в соседних республиках, краях и областях.

Но, с другой стороны, участвуя в многочисленных конференциях и семинарах разного уровня совместно с московскими коллегами, я неоднократно убеждался в том, что сам факт проживания и работы в этноконфликтном регионе существенно влияет на адекватность восприятия ситуации. Московские коллеги как бы знают, но не чувствуют проблем регионов, многие тезисы их выступлений и публикаций по этническим проблемам в регионах вызывают по меньшей мере недоумение.

Но, тем не менее, становление отечественной этнической конфликтологии в целом состоялось, и эта научная дисциплина уже занимает свое место и в структуре научных исследований, и в учебном процессе.

3. Теоретические проблемы современной этнической конфликтологии

В качестве основной теоретико-методологической проблемы современной этнической конфликтологии я бы определил вопрос о сущности этноса, о самом феномене этничности. Анализ современной (после 1990 года) библиографии зарубежных публикаций по проблемам этнических отношений поражает необычным всплеском исследовательского интереса к проблемам этничности. Более того, практически в любой

из работ зарубежных авторов по проблемам этнических конфликтов имеется раздел, посвященный обсуждению феномена этничности. Это тем более удивляет на первый взгляд, если учесть огромный объем публикаций по этой проблеме в 1970 - 1980-е гг., когда, казалось бы, уже был исчерпан репертуар возможных взглядов на природу этого явления и были предложены десятки получивших и не получивших признание идей и концепций.

Сам резко возросший интерес к проблеме этнических отношений в это десятилетие вполне объясним с учетом лавинообразного нарастания этнической конфликтности в посткоммунистическом мире и некоторых других частях мира. Кроме этого, исчезновение угрозы мировой ядерной войны, приковывавшей к себе общественное мнение и научный интерес в течение нескольких предшествующих десятилетий, дало дополнительный импульс к исследованию менее глобальных событий и процессов, играющих, однако, чрезвычайно важную роль в жизни миллионов и миллионов людей. Но можно ли сказать что-нибудь новое в изучении самой проблемы этничности? И столь ли это важно для исследования как самого феномена этнического конфликта, так и конкретных конфликтов?

На первый вопрос можно дать скорее отрицательный, чем утвердительный ответ, который мы постараемся обосновать ниже. На второй же вопрос ответ будет однозначно утвердительным.

Дело в том, что исследование этнических конфликтов в современной литературе ведется не столько на основе определенного выбора конфликтологических концепций (многие авторы в работах по этнической конфликтологии их вообще не обсуждают, несмотря на альтернативность и спорность некоторых, в том числе фундаментальных, положений современной конфликтологии), сколько на основе выбора той или иной концепции этничности, что оказывается решающим во всех дальнейших научных построениях. Более того, нередко специалисты даже объединяют концепции этничности и этнического конфликта. «Существуют три общих подхода к изучению этничности и этнических конфликтов», — отмечают Д. Лейк и Д. Ротшильд [8], подразумевая под ними примордиализм, инструментализм и конструктивизм. Этноконфликтологические школы формируются прежде всего вокруг решения проблемы этничности, а не вокруг дискуссионных проблем конфликтологии.

Смысл современных дискуссий о феномене этничности несколько отличается от предшествующих попыток понять это явление как таковое, как предмет научного интереса сам по себе. Главный акцент в обсуждении проблемы этничности в 1990-е гг.

сводится к поиску ответа на вопрос: является ли этничность источником конфликтов, порождает ли этничность как таковая конфликты или она лишь вовлекается, используется или даже конструируется для других форм борьбы и достижения других целей?

В этом аспекте имеется определенное различие между подходами, или, правильнее сказать, между научной стилистикой, используемой в работах по общей конфликтологии, в которых этнический конфликт рассматривается наряду с другими типами и видами конфликтов, и в работах, специально и полностью посвященных этническим конфликтам. Особенно отчетливо это проявляется в понимании такой проблемы, как функции конфликта. Если в общей конфликтологии почти универсально признанным фактом является наличие у конфликтов конструктивной, созидательной функции, с признания которой и начинается собственно конфликтология, то в работах по анализу этнических конфликтов эти конфликты понимаются почти исключительно как зло, как дисфункция, которые надо предотвращать, а если это не удалось сделать, то минимизировать негативные последствия. Редкая публикация по этнической конфликтологии не начинается с перечисления тех человеческих трагедий, которые принесли этнические конфликты 1990-х гг. в Руанде, бывшей Югославии и Чечне. Начали меняться и критерии оценки посреднической деятельности.

Если в рамках конфликтологического подхода эффективным можно считать такой выход из конфликта, в результате которого конструируется, создается новая система отношений между конфликтующими субъектами, то аналитики посреднической деятельности в этнических конфликтах все чаще говорят о таком критерии эффективности, как соответствие результатов посредничества поставленным целям. Например, если ставилась задача предотвратить переход конфликта в фазу насильственных вооруженных действий и это удалось сделать, то такое посредничество можно считать успешным, даже если не была разрешена ни одна проблема, породившая сам конфликт.

В 1990-е гг. в зарубежной, прежде всего англоязычной, этнологии произошла выраженная смена научной парадигмы, и многие прежние концепции действительно были если не «выброшены на свалку», то, для мягкости скажем, «сданы в архив». В работах, особенно вышедших после 1995 года, явно ощущается не просто критическое, но нередко пренебрежительное отношение к этнологическим поискам предшествующих десятилетий. В известной степени и широкое распространение термина «примордиализм» (который не вполне удобоварим и в английском звучании) для обозначения всего многообразия «традиционных» взглядов на природу этничности есть выражение этого отношения. Примечательно, что ранее эти взгляды объединялись понятием «теории человеческой природы» ("theories of human nature"). Толкование этих

концепций в работах современных авторов зачастую весьма упрощенное, редуцированное.

Использование идей «традиционных» направлений в этнологии, заклеянных как «примордиализм», становится признаком плохого научного тона во многих «современно ориентированных» исследованиях. Как отмечают Д. Кармент и П. Джеймс, примордиалистские подходы не популярны сегодня у обществоведов потому, что сам термин предполагает неприемлемые для научного анализа романтизацию и мистификацию индивидуального и коллективного поведения. Далее, это связано с опасением оказаться на позициях культурного детерминизма [9].

Такие изменения связаны с широким распространением в социально-гуманитарных исследованиях научных парадигм постмодернизма. Главный смысл постмодернизма, охватившего в последнее десятилетие значительные пласты культуры и вышедшего далеко за пределы сферы литературы и искусства, в которых он сформировался, это «деконструктивизм», «антихолизм», «антиэссенциализм», т. е. антисистемное видение мира, или научный редукционизм.

Многие стороны постмодернизма в общественном знании действительно выглядят привлекательными: это «стремление видеть мир таким, как он есть», без привнесения в него ненужных сущностей, эмпирическая верифицируемость и практичность знания. Не случайно многие обществоведы определяют направление, в котором они работают, как реализм. В объяснении человеческой деятельности это – стремление найти простое, понятное и очевидное объяснение поступкам людей. Социальный процесс при таком видении предстает как совокупность различных видов и результатов индивидуальной деятельности, а главный мотив этой деятельности – интерес, прежде всего материальный.

Трудно не согласиться с такими наблюдениями, ибо они в большей или меньшей степени соответствуют индивидуальному опыту каждого человека.

Как невозможно не признать неизбежности и даже необходимости редукционизма в научном исследовании. Вопрос заключается в том, насколько глубоки и достаточны такие объяснения, являются ли они первым шагом в научном анализе или первым и последним одновременно.

Социальные общности в «реалистическом постмодернистском видении» становятся избыточной сущностью, выдумкой интеллектуалов или инструментом для достижения вполне реальных целей вполне реальными людьми.

Ни один из постмодернистских подходов к изучению общественных явлений не является сколь-нибудь новым. Дискуссии о соотношении между частью и целым, о том, является ли целое реально существующим или реально существуют только части, известны с глубокой древности (вспомним хотя бы древнегреческий миф о корабле Тезея, знакомый большинству из вузовского курса философии), с разной интенсивностью они протекали и в другие эпохи. Как и различными были преобладавшие взгляды, прежде всего в зависимости от того, какие идеи черпала философия из естествознания. В XX веке новый импульс этим дискуссиям дало формирование системного подхода к объяснению действительности, системная методология, являющаяся одним из самых значительных достижений научной методологии этого столетия. Но интеллектуальный диспут на этом не оказался завершенным, культура постмодернизма и явилась самым серьезным оппонентом системного мышления.

Постмодернизм в этнологии выразился в появлении концепций, отрицающих объективный характер этнических общностей. Правда, сами эти идеи высказывались и ранее, но не играли столь заметной роли в структуре этнологического знания, они были одними из многих и далеко не самыми популярными идеями. Ситуация, однако, изменилась в 1990-е гг., когда эти концепции стали самыми массовыми в англо-американской литературе и вытеснили на обочину научного поля все другие объяснения феномена этничности. Постмодернизм в этнологии был поставлен на конвейер, он стал всеобщей методологией объяснения современных этнических проблем в англоязычной литературе.

Постмодернистские этнологические концепции 1990-х гг. можно объединить в две большие группы: конструктивистские концепции, в которых пока еще в той или иной степени признается объективный характер тех или иных этнических признаков, и инструменталистские концепции, которые чаще всего и определяются как «реализм» или «рационализм» и рассматривают этничность как инструмент, используемый индивидами, группами или элитами для достижения более широких, как правило, материальных целей.

Согласно конструктивизму (В. Доминигез, К. М. Янг, Р. Брубейкер, Р. Липшутц),

признаки, традиционно считающиеся этническими (различия в языке, культуре, обычаях, традициях и т.д.), существуют объективно, они находятся вне пределов контроля отдельного человека. Но эти признаки переплетены со многими другими социальными признаками и неотделимы от них. Каждый из признаков, называемых этническими, характерен в той или иной степени и для других типов социальных связей. То, в какой мере эти признаки соединятся в единое целое, называемое этничностью, зависит от многих социальных факторов, от «спроса» на этничность, порождаемую эпохой и отдельными людьми. Этничность является, таким образом, факультативной идентификацией человека, конструируемой из множества объективно существующих компонентов.

Инструментализм еще более последователен в субъективизации этничности. В его трактовке этничность выступает как характеристика, навязанная извне, прежде всего политическими элитами, как инструмент групповой мобилизации для достижения узкоутилитарных целей элит, которые они не в состоянии достичь сами, без привлечения широких «неэлитных» слоев. Но для того, чтобы «неэлитные» массы действовали ради достижения целей элит, они должны воспринять эти цели как свои собственные, чему и служит групповая мобилизация под лозунгами этнических ценностей.

Было бы, конечно, абсурдным отказывать в истинности этим утверждениям. Действительно, эти выводы являются эмпирическими обобщениями, укладывающимися в понятие «здравого смысла». Вопрос заключается не в том, истинны или ложны конструктивистские и инструменталистские концепции этничности, а в том, вся ли это истина или лишь верхушка айсберга.

Постмодернистские концепции этничности обходят стороной многие не-удобные для их авторов вопросы, например, об устойчивости этнических идентификаций, о межпоколенном характере этничности, о том, что даже в стабильные эпохи люди идентифицируют себя с определенными этническими группами, что этническая идентификация человека формируется в процессе его социализации, что в реальной действительности люди почти никогда не стоят перед возможностью выбора своей этнической принадлежности, а отдельные случаи этнической переидентификации, как правило, связаны с тем, что люди, исходя чаще всего из соображений политической конъюнктуры и даже личной безопасности, скрывают свои истинную этническую идентичность, и когда меняется конъюнктура или исчезает опасность, эти люди больше не считают нужным ее скрывать.

В свое время некоторые англоязычные авторы, имена которых были исключительно популярными в 1970-е и 1980-е гг., выступили с критикой на-растающей всепоглощающей волны постмодернизма в этнологии. Так, Э. Смит писал в начале 1990-х: «Многие ученые поставили под сомнение основополагающие интеллектуальные воззрения на нации и национализм, которые были характерны для академического сообщества еще с 1950-х гг. Это в основном "ин-струменталистские", "модернистские", а позднее – "деконструктивистские" взгляды. Несмотря на наличие определенной утилитарности в этих подходах, их всеобщее применение к проблемам этнической идентичности и формирования наций представляет серьезные проблемы... Основная трудность в современных академических изысканиях заключается в их провале серьезного учета формативной роли досовременных этнических связей и того, как эти и ранее существовавшие этнические идентичности оказывают воздействие на формы, траектории и характеристики современных наций и современных полиэтнических государств. Без адекватного понимания этих досовременных этнических идентичностей мы отгораживаем себя от надлежащего анализа часто глубоко коренящихся конфликтов между этническими группами, которые продолжают разъедать и разрушать ткани даже самых мощных полиэтнических государств» [10]. Но это были голоса, не переломившие тенденцию.

Весьма примечательным является и другой факт. Наибольшую популярность постмодернистские концепции этничности получили именно в англо-язычной литературе, основную долю которой составляют работы американских авторов. Но сводить всю современную дискуссию по проблемам этничности только к этим работам было бы неверно. Системные концепции этничности популярны в современной зарубежной европейской этнологии, что объясняется доминированием системного мышления в европейской интеллектуальной традиции.

Различия между американским и европейским взглядом на этничность вполне объяснимы с учетом тех различий, которые существуют в этнической структуре этих обществ. В американской и связанной с ней англоязычной эт-иологии акцентуация варибельного, мобилизационного характера этничности во многом определяется тем, какую роль этничность играет в американском обществе, возникшем из элементов различного этнического происхождения. Многие поколения иммигрантов устремлялись в страну, чтобы навсегда по-рвать связи с этнической родиной, стремились стать «100 %-ми американцами», и лишь в последние два-три десятилетия эта тенденция изменилась. В таком культурном контексте этничность естественным образом должна восприниматься по-иному, чем в тех случаях, когда люди живут на этнической родине, тем более, в этнонациональных государствах.

Второй по значимости теоретический вопрос я бы определил как вопрос о сущности

этнического конфликта, о критериях его выделения из других типов и видов социальных конфликтов. Является ли этнический конфликт феноменом, имеющим свою собственную природу, или это следствие, «послеэффект» других социальных проблем или коллизий? В теоретическом плане, пользуясь словами Д. Хоровица, этот вопрос можно сформулировать так: является выделение этнического конфликта концептуальным императивом или концептуальным удобством [11]?

В общественном сознании современной России, да нередко и в научной среде, бытует мнение, что этнические конфликты являются результатом социально-экономических проблем, что в основе их лежит либо нищета народа, либо борьба элит за ресурсы или за власть ради контроля над ресурсами. Широкому распространению этой точки зрения способствуют и средства массовой информации. В этом, как правило, устойчиво убеждены практические работники. Так, в ходе осуществляемого в Ставропольском крае мониторингового исследования методом экспертного опроса (в качестве экспертов выступали практические работники городского и районного звена, в компетенцию которых входят те или иные аспекты этнических проблем) 70 % респондентов отметили, что причины этнических конфликтов имеют экономический характер, а 90 % убеждены, что главной мерой по преодолению этнической конфликтности в регионе является работа по выходу из экономического кризиса. Эти результаты наглядно свидетельствуют о том, что эксперты фактически отказывают этническому конфликту в своей собственной сущности.

Что касается зарубежной этноконфликтологии, то, хотя в ней вопрос о самостоятельной сущности этнического конфликта, казалось бы, был решен еще в самом начале «теоретико-методологического этапа» развития, т. е. в начале 1980-х гг., в 1990-е гг. эта проблема ставится с новой остротой. Для современной постановки вопроса характерно именно отрицание самого феномена этнического конфликта как такового. Разумеется, речь идет не об отрицании того, что определенный конфликт происходит, а о том, что этот конфликт можно назвать этническим. Так, Р. Липшутц, определяя основы своей концепции этнического конфликта, пишет: «То, что стало называться этническим конфликтом, не более и не менее, чем борьба за государственную власть. А потому методы, которые используются участниками этнических или конфессиональных (sectarian) движений, не слишком отличаются от методов, используемых остальными, кто оказался вовлеченным в такую борьбу в различных местах и в различное время» [12]. Приведенная мысль как нельзя лучше характеризует постмодернистское видение этнического конфликта: одно из возможных и весьма распространенных его проявлений в современном мире определяется в качестве сущности самого феномена, причем в различные эпохи.

Но далеко не все то, что называется этническим конфликтом, обязательно является

борьбой за власть, и далеко не все участники этнических конфликтов стремятся к власти, ибо никакие властные структуры не могут поглотить такое количество людей в случае их победы в конфликте. Действительно, в период распада полиэтнических государств, что характерно для 1990-х гг., шанс получить доступ во власть заметно увеличивается» в связи со значительным увеличением числа субъектов власти, но это не означает, что такая ситуация была характерна всегда и везде.

Итак, постмодернизм, вслед за теоретической «ликвидацией» этничности предлагает логичную в таком случае «ликвидацию» этнического конфликта. Правда, сами «постмодернисты» не исключили понятие «этнический конфликт» из своего терминологического аппарата, не сумев, видимо, подобрать адекватной замены. Справедливости ради отметим, что постмодернистское упразднение этнического конфликта и его редукция к борьбе элит за власть является хотя и наиболее распространенной, но отнюдь не единственной или общепризнанной точкой зрения ни в англо-американской, ни тем более во всей зарубежной этноконфликтологии.

Далее, поскольку социальные конфликты в современном мире имеют, как правило, многофакторную природу, вряд ли правомерно говорить об этническом конфликте «в чистом виде». В любом конфликте, в котором имеется этнический компонент, переплетаются экономические, политические, социальные и многие другие линии соперничества, мотивы участия в таких конфликтах будут различные у разных слоев этнических групп. Каковы тогда эмпирически фиксируемые признаки, позволяющие определить тот или иной конфликт как этнический?

По нашему мнению, таким признаком, своеобразным маркером является идентификация по крайней мере одной из сторон конфликта себя или противника в этнических категориях. Очень важно, что это легко обнаруживается в заявлениях политических и общественных лидеров, актах вербальной коммуникации рядовых участников конфликта. Кто есть «мы» и кто есть «они»? Если этнический компонент конфликта является доминирующим, то хотя бы одна из сторон обозначит себя или соперника в этнических терминах (мы – русские, грузины, армяне и т.д.; они – чеченцы, абхазы, азербайджанцы). При этом особенно важно зафиксировать то, как идентифицируют друг друга именно рядовые участники конфликта, не стремящиеся закамуфлировать его природу.

Следующим по значимости теоретико-методологическим вопросом этно-конфликтологии можно обозначить вопрос о возможности создания общей теории этнического конфликта. Этот вопрос имеет не только теоретический, но и выраженный прикладной

характер и в значительной мере обозначает своеобразный водораздел между учеными-этноконфликтологами и этноконфликтологами-практиками. Практики, работающие с конкретными конфликтами и пытающи-еся иногда многие годы шаг за шагом развязывать сложные узлы этнических отношений, чаще всего склонны признавать уникальный характер каждого кон-фликта и процесс его урегулирования обычно трактуют скорее как искусство, чем как науку.

С другой стороны, ученые, изучающие те или иные процессы, склонны к различным теоретическим обобщениям. Это вполне оправдано, и вопрос заключается в том, имеются ли достаточные основания для таких обобщений. Мой личный опыт и практической, и теоретической работы в этой области позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, бессмысленно спорить с тем, что любой этнический конфликт имеет определенные, только ему присущие черты. Но это же можно сказать и о любом предмете или явлении вообще, и тогда метод обобщения и целый ряд основанных на нем исследователь-ских приемов вообще окажется ненужным в любой науке. Во-вторых, опыт эмпирического анализа ряда конфликтных ситуаций на Северном Кавказе сви-детельствует, что в них немало повторяющихся черт, что метод исторических и социальных аналогий достаточно эффективно работает при анализе эмпи-рического материала и, особенно при прогнозировании динамики этнических конфликтов. Анализ работ зарубежных этноконфликтологов с описанием эт-нических конфликтов в разных частях света убедил меня, что в конфликтах, которые происходят в нашей стране, и на Северном Кавказе в частности, нет ничего особо уникального, наоборот, в них очень много схожих черт, прежде всего в их динамике, с конфликтами в других регионах планеты.

Теоретические модели этнических конфликтов не просто возможны, они необходимы для эффективного прогнозирования их динамики и поиска выхода из них. Поэтому одной из важных теоретических задач является кросс-культур-ный анализ этнических конфликтов и выработка на этой основе соответствующих теоретических моделей.

При этом речь должна идти именно о моделях, а не о модели; специфика этнических конфликтов проявляется, на мой взгляд, не столько в том, в какой конкретно стране или части планеты протекает тот или иной конфликт, при всей важности и этого момента, сколько то, каков тип этого конфликта. В эт-ноконфликтологии предложены различные типологии этнических конфликтов, во многом представляющие собой спецификации типологий в общей теории конфликтов.

Наиболее распространенной является так называемая «сферная» типоло-гия

этнических конфликтов и, соответственно, выделение таких типов, как этноэкономический, этносоциальный, этнополитический и этнокультурный конфликты, с определением подтипов в каждой из названных групп. В целом, такая типология является работающей, хотя и требующей уточнения. Создание адекватной типологии этнических конфликтов представляется одной из важнейших теоретических и практических задач этой отрасли конфликтологического знания, а определение типа конкретного конфликта является одним из первых и исключительно значимых шагов его экспертизы. Сопоставительный анализ этнических конфликтов в разных регионах планеты свидетельствует о важности выработки эффективной типологии этноконфликтов прежде всего для прогно-зирования вероятных исходов конфликта, так как разные типы конфликтов имеют различные вероятностные модели завершения своих острых фаз.

Далее, представляет большой теоретический и практический интерес во-прос о конструктивном потенциале этнического конфликта. Собственно конфликтология и начинается с признания функциональности конфликта и нали-чия у него определенного конструктивного потенциала. В массовом сознании этнический конфликт воспринимается как большая беда, как нечто однозначно негативное. Необходимо отметить, что вопрос о конструктивном потенциале этнического конфликта практически не разработан и в научном плане, отсю-да и определенные стереотипы в поисках выхода из острых фаз этнических конфликтов.

4. Проблемы становления практической этноконфликтологии

Вопросы практического использования обществоведческих знаний суще-ствуют во всем мире, и отечественные этноконфликтологи находятся здесь не в худшем положении. Во всяком случае, большинство этноконфликтологов, особенно работающих в регионах, имеют неплохие контакты с властными структурами, хотя и не всегда ровные и убедительные. Политики, как правило, ждут от ученых рекомендаций по скорейшему решению проблем, и утверждение о том, что проблема может иметь в существующих условиях лишь частичное решение, зачастую их не устраивает.

Каковы основные пути и направления расширения влияния этнокон-фликтологической науки на реальные этнические процессы? Кроме активного взаимодействия с политиками и управленцами, что зависит от многих факторов, можно выделить следующие приоритетные позиции.

Во-первых, это расширение образовательной деятельности, особенно в системе высшей школы. Сегодня дисциплина «конфликтология» представляет собой редкое исключение в образовательных стандартах вузов. Что же касается этноконфликтологии, то эту дисциплину вообще пока не приходилось встречать в макетах государственных образовательных стандартов. Разумеется, категория «конфликт» упоминается в стандартах в целом ряде дисциплин, однако ни одна из них не может дать сколь-нибудь полного представления об этом феномене, не говоря уже о навыках управления конфликтным процессом. Тем более сложно дать в рамках этих курсов адекватное представление об этнических конфликтах. В основном для этих целей можно использовать резерв курсов по выбору, на которые в так называемом «втором поколении стандартов» отводится немало учебного времени. Так, в Ставропольском государственном университете для палиативного решения этой проблемы постановлениями советов факультетов этноконфликтология включена в качестве обязательной в учебный план по ряду специальностей. Скажем, в учебный план по специальности «Журналистика» в цикле «дисциплины специализации» включен спецкурс «СМИ и этноконфликтология». Этот курс рассчитан на 54 часа аудиторной работы в течение четвертого семестра с итоговым зачетом. На историческом факультете курс

«этноконфликтология» рекомендован советом факультета в качестве одного из основных в цикле «курсы по выбору». Большой этноконфликтологический блок предусмотрен в преподавании курса «конфликтология» на специальности «регионоведение». Фактически этноконфликтологическая проблематика является стержнем этого курса, что определяется спецификой самой специальности, а также северокавказского региона. Этноконфликтология включена также в учебный план специальности «социальная работа по специализации «работа в миграционных службах». Вся эта работа проведена, на уровне вуза при поддержке ректората и деканатов ряда факультетов.

Второе направление – широкая просветительская деятельность, прежде всего через средства массовой информации. Проводимые автором в сотрудничестве с научным коллективом в Ставропольском государственном университете исследования показали, что как у рядовых граждан, так и у управленцев сформировались упрощенные, «рационализированные» образы как этнических конфликтов, так и путей их решения. В последнее время для этих образов характерно представление об особой значимости силовых методов решения этнических конфликтов, сама идея о возможности переговоров или иных несиловых путей выхода из конфликтов все меньше воспринимается общественным сознанием как действенная. Поэтому необходима настоящая ломка сформировавшихся стереотипов, которые широко распространились и среди управленческих работников, особенно так называемого «среднего звена».

Третье направление, оправдавшее себя в практике нашей работы – создание системы этноконфликтологического мониторинга методом экспертного опроса. Такой метод не только удешевляет само исследование и повышает надежность результатов, но и побуждает экспертов (в данном случае под экспертами понимаются управленцы, которые по долгу профессиональной деятельности связаны с управлением этническими процессами как частью своей управленческой деятельности) к систематическому анализу на научной основе фактического материала, получаемого этими работниками в процессе повседневной деятельности.

Четвертое направление – активное привлечение управленцев к научно-исследовательской работе на различных уровнях и в различных формах. Наш опыт свидетельствует об эффективности такой формы сотрудничества с управленческими работниками, как аспирантура и соискательство. Это дает возможность установить долговременные творческие связи с управленческими работниками, прежде всего, с относительно молодыми, вовлечь их в научную среду, и, с другой стороны, – вовлечь в научный оборот большое количество «живого» материала.

1. *Horowitz D.* Ethnic Groups in Conflict. Berkley, etc., 1985.

2. *Op. cit.* P. 13.

3. *Smith A. D.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986; *Smith A. D.* The Ethnic Revival. Cambridge, etc., 1981;

Smith

A. D.

State and Nation in the Third World. Brighton
, 1983.

4. *Геллнер Э.* Нации и национализм. Пер. с англ. М., 1981.

5. *Van den Berghe P.* The Ethnic Phenomenon. New York, 1987.

6. *Авксентьев В. А.* Этическая конфликтология: В 2 ч. Ч. 1. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1996. С. 49-52.

7. *Тишков В. А.* Что есть Россия? (перспективы нации-строительства) // Вопросы философии. 1995. № 2; *Тишков В. А.* Забыть о нации (постнационалистическое^ понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9.

8. The International Spread of Ethnic Conflict / Ed. by D. A. Lake, D. RothcMd. Princeton, NJ, USA, 1998. 392 p. P. 5-6.

9. *Garment D., James P.* Ethnic Conflict at the International Level // Wars in the Midst of Peace: The International Politics of Ethnic Conflict / Ed. by Garment D., James P. Pittsburg, PA, 1997. P. 16.

10. *Smith A. D.* Ethnic Identity and Territorial Nationalism // Thinking Theoretically about Soviet Nationalities: History and Comparison in the Study of the USSR / Ed. by A. J. Motyl. New York, 1992. P. 47-48.

11. *Horowitz D.* Op. cit. P. 21.

12. *Lipshutz R. D.* Seeking a State of One's Own: an Analytical Framework for Assessing Ethnic and Sectarian Conflicts // The Myth of Ethnic Conflict / Ed. by B. Crawford and R. Lipschutz. Beverly, Cab, 1 1998. P. 44.